

Яр Кремень

Кровать. Цикл «Вещи помнят»

Яр Кремень

Кровать. Цикл «Вещи помнят»

Серия «ВЕЩИ ПОМНЯТ», книга 17

<https://litres.ru/73514549>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обычная койка в общежитии №3 стала немым свидетелем сорока трёх лет человеческих судеб. Здесь отчаянно зубрил сопромат молодой Гена Корольков, ещё не знающий, что его неотправленные письма станут легендой. Здесь плакали над философией, прятались от погромов, встречали внуков и теряли жён. Но главный жилец — старик, поселившийся в 2000-м. Он разговаривал с кроватью по ночам, вспоминал жену Машу, не замечал ложку, упавшую на пол, и гладил деревянную спинку, благодарно шепча: «Спасибо тебе». Рыжая кошка Муся грела его в последние годы, а после смерти три дня лежала рядом. Кровать вынесли во двор, к мусорным бакам. Но память осталась в каждой пружине, в каждой вмятине. И когда Муся пришла проститься и свернулась клубочком в том самом месте, где лежал старик, кровать снова почувствовала тепло.

У кровати нет голоса, но есть память о тяжести, тепле, дыхании. Вещи помнят

Содержание

КРОВАТЬ	4
1980. Сентябрь. Рождение кровати	5
1980. Первый студент (гитарист)	9
1982. Студент из провинции	12
1985. Гена Корольков (молодой)	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Кровать. Цикл «Вещи помнят»

КРОВАТЬ

(койка в общежитии)

1980. Сентябрь. Рождение кровати

Общежитие №3 стояло на окраине города, среди таких же пятиэтажек, тополиного пуха и вечно разбитых дорог. Здание было новым — только что сданным, пахло краской, цементом и той особенной, казённой свежестью, которая бывает у только что построенных коробок для людей. Коридоры ещё не успели пропитаться запахами щей, табака и дешёвых духов, стены не покрылись граффити, а полы не стёрлись до бетона тысячами ног.

Утром к общежитию подъехал грузовик с мебелью. Из кузова выгружали кровати — железные сетки, деревянные спинки, матрасы в сером тике, перетянутые верёвками. Рабочие, двое мужиков в промасленных спецовках, матерились, перетаскивая тяжеленные конструкции.

— Эту куда? — спросил молодой, с рыжими усами и вечно недовольным лицом.

— Четвёртый этаж, комната 417, — ответил второй, постарше, с седыми вихрами и глубокими морщинами на лбу. — Давай, поднимай, не стой.

Они взяли кровать за края и потащили в подъезд. Лестница была узкой, перила шатались, на каждом пролёте приходилось останавливаться, переводить дух. Кровать, ещё не собранная, лежала на боку, её деревянные детали позвякивали, пружины в матрасе тихо поскрипывали.

В комнате 417 было пусто. Голые стены, покрашенные зелёной краской до половины, выше — побелка. Окно выходило во двор, где уже сушилось бельё и бегали дети. Пахло известкой и сыростью. Рабочие поставили кровать на попу, прислонили к стене, развязали верёвки.

— Собираем, — скомандовал старший.

Он достал из кармана отвёртку, гаечный ключ и пару болтов. Молодой держал спинку, старший прикручивал. Работали молча, только иногда переругивались, когда болты не лезли в резьбу.

— Держи ровнее, — ворчал старший.

— Сам держи, — огрызнулся молодой.

Наконец кровать была собрана. Железная сетка, натянутая на раму, деревянные спинки — одна повыше, с плавными изгибами, другая пониже, прямая. Матрас положили сверху — серый, унылый, но пока ещё чистый. Кровать стояла у стены, напротив окна, готовая принять первого жильца.

Старший вытер руки ветошью, отошёл на шаг, оглядел работу.

— На век хватит, — сказал он, довольно крикнув. — Крепкая. Железо советское, не то что сейчас.

Молодой сплюнул на пол, но спорить не стал. Они собрали инструменты, забрали верёвки и ушли, оставив кровать одну.

Кровать молчала. Она ещё не знала, что такое жизнь. Она просто стояла — новая, пахнущая деревом, краской и фаб-

ричной смазкой. Первое, что она почувствовала, была вибрация — от шагов рабочих, удаляющихся по коридору, от гула лифта, от далёких звуков города. Вибрация проходила через пол, через ножки, через пружины, заставляя кровать едва заметно дрожать.

Потом пришли другие звуки. Голоса в коридоре, топот, смех, хлопанье дверей. Кровать прислушивалась, училась различать. Тяжёлые шаги — рабочие. Лёгкие, быстрые — студентки. Шаркающие — старики, которые иногда заходили к детям.

К вечеру в комнату заселили первого студента. Парень лет восемнадцати, в мятой рубашке, с поношенными джинсами и гитарой за спиной. Он ввалился с огромным чемоданом, пыхтя и ругаясь. Чемодан с грохотом упал на пол. Парень оглядел комнату, увидел кровать, сел на неё, не раздеваясь.

Кровать впервые ощутила тяжесть. Лёгкую, почти невесомую, но отчётливую. Парень сидел, смотрел в окно, на закат, на тополя за стеклом. Потом лёг, вытянулся во весь рост. Кровать скрипнула под ним — первый звук, который она издала сама, не от удара, а от прикосновения.

Парень ворочался долго. Не мог уснуть. Вздыхал, смотрел в потолок, бормотал что-то про экзамены, про девушку, которая обещала прийти, но не пришла. Кровать чувствовала его напряжение — через мышцы, через тепло, через вибрацию беспокойства. Парень крутился с боку на бок, пружины скрипели в такт его движением.

— Ну где ты? — шептал он. — Обещала же.

Кровать слушала его шёпот, запоминала интонации, тембр голоса, запах — молодого пота, дешёвого одеколона и чуть-чуть табака.

Под утро парень наконец заснул. Дыхание стало ровным, глубоким. Кровать чувствовала это дыхание — ритмичные толчки, от которых вибрировала вся её конструкция. Она привыкала к этому ритму, училась подстраиваться под него.

За окном светало. Солнце поднималось над крышами, бросало первые лучи в комнату, освещало кровать, спящего парня, гитару в углу.

Кровать была готова. Её жизнь началась.

1980. Первый студент (гитарист)

Та ночь была первой, когда кровать узнала, что такое бессонница.

Студент лежал, глядя в потолок. Руки закинута за голову, глаза открыты, в них отражался тусклый свет уличного фонаря, пробивающийся сквозь тонкую занавеску. Он смотрел на трещину в побелке — длинную, извилистую, похожую на карту неизвестной реки. Кровать чувствовала каждое его движение: малейший поворот головы, вздох, дрожь мышц. Напряжение витало в воздухе, оседало на пружинах, въедалось в матрас.

— Не идёт, — шептал он. — Ну почему она не пришла?

Он говорил о девушке. Её звали Света. Света с параллельного потока, с длинными русыми косами и веснушками на носу. Обещала проводить, зайти, посидеть на новой кровати, послушать гитару. Купил даже свечи в хозяйственном — тонкие, белые, парафиновые. Достал где-то бутылку портвейна «Три семёрки», три рубля сорок копеек. Спрятал под кровать, в картонную коробку из-под обуви. А она не пришла. Просто не пришла.

Кровать слушала. Впитывала его разочарование через тепло тела, через то, как он сжимал зубы, когда думал о ней. Пружины тихо поскрипывали в ответ — не от ветхости, а от сочувствия. Кровать ещё не знала людей, но уже училась

чувствовать.

Он встал около полуночи. Подошёл к гитаре, стоявшей в углу. Инструмент был старый, потрёпанный, с царапинами на деке — наверное, много где побывал. Студент провёл пальцами по струнам, настраивая. Тронул аккорд. Звук поплыл по комнате, отразился от стен, долетел до кровати. Она чувствовала вибрацию от каждой ноты — тонкую, звенящую, щекочущую пружины.

Потом он заиграл что-то грустное, протяжное. Кровать не знала мелодий, но чувствовала настроение. Тоску. Одиночество. Смесь ожидания и разочарования. Он пел тихо, почти шёпотом, боясь разбудить соседей:

— Ты придёшь ко мне, когда наступит ночь, и зажжём мы свечи, и прогоним прочь...

Он не допел. Оборвал на полуслове, поставил гитару обратно. Вернулся на кровать.

— Дурак, — сказал он сам себе. — Надо было раньше признаться. А теперь поздно.

Он лежал и смотрел в потолок. Кровать чувствовала, как его мысли мечутся, как сердце то колотится, то замирает. В два часа ночи он снова встал, подошёл к окну. Прижался лбом к холодному стеклу, смотрел на пустынную улицу. Фонари горели тускло, жёлто. Никого.

— Ну где ты? — прошептал он в стекло. — Обещала же. Кровать видела его отражение в окне — расплывчатое, грустное. Хотела бы сказать что-то, утешить, но не умела го-

ворить.

Он вернулся, лёг. Ворочался долго, до самого рассвета. Кровать привыкала к его ритму — дыханию, сердцебиению, запаху. Пахло от него потом, дешёвым одеколоном «Шипр» и чуть-чуть табаком — успел выкурить сигарету на лестнице, перед тем как лечь. Запах въедался в подушку, смешивался с запахом новой ткани и краски.

Где-то в половине пятого он затих. Дыхание стало ровным, глубоким. Кровать чувствовала, как мышцы расслабляются, как тепло разливается по матрасу. Она перестала скрипеть, замерла, чтобы не разбудить. Первое утро началось.

Солнце осветило комнату. Лучи упали на подушку, на его лицо, на разбросанные вещи. Студент спал, уткнувшись лицом в подушку, раскинув руки. Гитара стояла в углу, прислонённая к стене. На столе — недопитый чай, огрызок яблока, раскрытая тетрадь с нотами.

Кровать смотрела на него, если можно так сказать, и думала: будет ли он счастлив? Встретит ли свою Свету? Но она не умела думать, только чувствовать. И чувствовала она, что этот парень — начало долгого пути, полного разных людей, разных судеб. Что он запомнится ей первым теплом, первым дыханием, первой бессонницей.

Она была готова.

1982. Студент из провинции

Осень. За окном моросит дождь, стёкла запотели, капли стекают вниз, оставляя мокрые дорожки. В комнату въехал новый жилец. Первого студента давно не было — он ушёл после первой сессии, забрал гитару, оставил после себя только вмятину на матрасе, запах одеколона и огрызок яблока, закатившийся под батарею.

Новый был другим. Тихий, незаметный, в очках с толстыми стёклами, в стареньком свитере, заношенном до блеска, на локтях — заплатки. Приехал из деревни, из глубинки. Говорил с лёгким оканьем, стеснялся, краснел, когда к нему обращались. Вещей у него было мало — чемодан с книгами да пара смен белья. Чемодан старый, фанерный, с облупившейся краской и ржавыми уголками.

Он садился на кровать и читал. Читал допоздна, при свете настольной лампы. Листал страницы, делал пометки карандашом. Кровать чувствовала, как он шевелит губами — беззвучно повторял прочитанное, учил наизусть. Философия, говорили соседи. Кант, Гегель, Шопенгауэр — что-то непонятное, тяжёлое, от чего голова пухнет.

Ночью он не спал. Лежал и смотрел в потолок, как и первый, но по-другому. Не от тоски по девушке, а оттого, что голова была забита мыслями. Они не давали покоя, роились, сталкивались, требовали выхода. Он шептал, репетировал

лекции, спорил сам с собой.

— Бытие определяет сознание, — шептал он. — Или наоборот? Нет, наоборот быть не может... А если может? Если мы сами творим свою реальность?

Кровать слушала этот шёпот. Чувствовала, как он напряжён, как сжимаются кулаки под одеялом. Иногда он плакал. Тихо, почти беззвучно, уткнувшись в подушку. Тогда кровать чувствовала влагу — слёзы впитывались в наволочку, просачивались в подушку, оставляли соль. Матрас темнел в том месте, куда он прижимался лицом.

Она не понимала, о чём он плачет. О доме? О матери, которая осталась одна в деревенской избе? О девушке, которая ждёт в соседнем селе и пишет длинные письма? Или просто от усталости, от непомерной тяжести знаний, которые пытался в себя вместить? Может, от одиночества среди чужих стен, среди чужих людей, которые не понимают его философии?

Однажды он заговорил с кроватью. Не вслух, а мысленно. Но кровать чувствовала — он обращался к ней, как к живому существу. Она ощущала направленность его мыслей, тепло его внимания.

— Ты единственная, кто меня слушает, — прошептал он. — Никто не знает, как мне тяжело. А ты знаешь. Ты чувствуешь. Ты не перебиваешь, не споришь, не учишь жить. Ты просто есть. И это... это много.

Кровать чувствовала. И молчала. Она была создана не для

разговоров, а для молчаливого присутствия. Для того чтобы принимать тяжесть тел и тяжесть душ.

Иногда к нему приходили. Однокурсники, такие же тощие, в очках, с книгами под мышкой. Они сидели на краю кровати, спорили о Канте, курили в форточку. Кровать чувствовала их вес — лёгкий, почти невесомый. Запах табака смешивался с запахом книжной пыли и пота.

— Ты слишком глубоко копаешь, — говорили ему. — Жить проще надо.

— Не могу, — отвечал он. — Я должен понять.

Они уходили. Он оставался один. Садился на кровать, обхватив голову руками. Кровать чувствовала, как он раскачивается вперёд-назад, как стонет тихо, почти неслышно.

Через год он уехал. Забрал свои книги, свой свитер, свою тоску. В последний день долго сидел на кровати, гладил рукой матрас.

— Спасибо, — сказал он. — Ты была хорошей.

Кровать осталась с вмятиной, с запахом книг и табака, с памятью о шёпоте. И о слезах.

1985. Гена Корольков (молодой)

Зима. Мороз разрисовал окна узорами — причудливыми ветвями, перьями, звёздами. Батареи грели еле-еле, в комнате было холодно, изо рта шёл пар. Новый жилец въехал вечером, быстро, почти бегом. Гена Корольков — студент инженерного факультета, двадцать лет, худой, нервный, с вечно взъерошенными волосами и затравленным взглядом. Он бросил сумку на пол, сел на кровать, уставился в стену.

Кровать сразу почувствовала его напряжение. Оно было другим, не таким, как у первого или второго. Не тоска, не усталость от знаний, а что-то другое — внутренняя дрожь, готовность к бою, звериное напряжение. Гена сжимал зубы так, что желваки ходили под кожей. Пальцы нервно теребили край одеяла.

Перед экзаменом. Сопромат. Говорили, самый страшный преподаватель на курсе — старый профессор, который заваливал половину потока. Гена готовился неделями, но всё равно боялся. Книги лежали стопкой на тумбочке — толстые, в потёртых обложках, заложенные бумажками.

Он лежал на кровати и бормотал формулы. Шёпот был быстрым, нервным, как пулемётная очередь.

— Момент инерции, — шептал он. — Момент инерции равен... нет, не так. Сопротивление материалов... изгиб... напряжение... предел текучести... модуль Юнга...

Кровать скрипела в такт его бормотанию. Не потому что хотела, просто пружины отзывались на вибрацию его тела. Он дёргался, ворочался, вскакивал, садился, снова ложился. Учебник лежал рядом, на подушке. Гена то открывал его, то захлопывал, то комкал страницы, то разглаживал.

В час ночи он вскочил, подошёл к окну. Дышал на стекло, рисовал пальцем какие-то формулы. Потом растирал их, рисовал снова. Кровать чувствовала его дыхание — частое, неровное. Холод шёл от окна, но Гена, кажется, не замечал.

В два часа он снова лёг. Но не заснул. Лежал с открытыми глазами, глядя в темноту. Кровать чувствовала, как бьётся его сердце — часто, тревожно. Как мышцы сводит судорогой.

— Я сдам, — сказал он вдруг громко. — Я должен сдать. Иначе всё... всё пропало.

Кровать не знала, что именно пропало, но чувствовала — для него это вопрос жизни и смерти. Стипендия? Отчисление? Возвращение домой, где его не ждут? Она не знала, но чувствовала отчаяние.

В три часа ночи он затих. Но не заснул — просто лежал, уставившись в потолок. Кровать чувствовала, как мысли продолжают метаться, как мозг работает на пределе. Потом он повернулся на бок, свернулся калачиком, как ребёнок. И вдруг заплакал. Тихо, сдавленно, уткнувшись в подушку.

Кровать чувствовала влагу, соль, вибрацию всхлипов.

Пружины отзывались тихим скрипом — почти жалобным. Она хотела бы утешить, обнять, согреть, но не могла. Только лежать, принимать его слёзы, его страх, его отчаяние.

Под утро он всё-таки задремал. Час, не больше. Спал беспокойно, дёргался, что-то бормотал. Кровать боялась пошевелиться, чтобы не разбудить.

А потом он вскочил. Резко, как от удара. Посмотрел на часы, умылся ледяной водой из-под крана, надел пиджак, схватил зачётку и выбежал, даже не попрощавшись. Кровать осталась с его теплом, с его запахом, с его тревогой.

Весь день она ждала. Чувствовала, как солнце движется по комнате, как тени удлиняются, как вечер опускается на город. И вот, уже в сумерках, дверь распахнулась.

Гена влетел в комнату, плюхнулся на кровать, обнял подушку.

— Сдал, — выдохнул он. — Четвёрка. Представляешь? Четвёрка!

Кровать чувствовала его радость через тело — расслабленные мышцы, улыбку, которая растягивала губы, счастливое дыхание. Он лежал и смотрел в потолок, но теперь по-другому — легко, свободно, почти безмятежно.

— Там такой профессор, — говорил он, обращаясь то ли к кровати, то ли к потолку. — Зверь, говорят. А я взял билет, отвечал, он слушал, молчал. Потом говорит: «Ну, молодой человек, вы, оказывается, не дурак». И четвёрку поставил. Четвёрку!

Он засмеялся. Кровать чувствовала этот смех — вибрацию, идущую от живота, от груди, от горла. Пружины отзывались лёгким дребезжанием — радостным, почти музыкальным.

— Спасибо тебе, — сказал он вдруг. И погладил кровать рукой. Кровать чувствовала тепло его ладони, прикосновение к деревянной спинке. Впервые кто-то гладил её, как живое существо, как друга.

— Ты, главное, не ломайся, — добавил Гена. — Ещё много экзаменов. Много всего. А ты держи. Ты крепкая.

Он уснул почти сразу. Дыхание стало ровным, глубоким, спокойным. Кровать осталась с теплом его ладони, с ощущением благодарности, с тихой радостью. Она не знала тогда, что Гена станет сквозным героем цикла, что будет писать неотправленные письма и рвать их над мусоропроводом, что придёт через много лет в магазин, где стекло узнает его по дрожи плеча. Она просто чувствовала тепло и была счастлива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.